

Кирилл Прокопов

Сократ, ученик Пифагора*

KIRILL PROKOPOV

SOCRATES, THE DISCIPLE OF PYTHAGORAS

ABSTRACT. In this study we will question the conventional view that historical Socrates had no connection with Pythagoreanism. An experienced reader of Plato would notice that Socrates in Plato recites Pythagorean ideas. This has been commonly regarded as Plato's way of expressing his own sympathies. In this paper, Aristophanes' *Clouds* are considered as an independent source for establishing Socrates' relation to Pythagoreanism. A closer reading of the *Clouds* alongside with the *Phaedo* shows that there are several intersection points between the two images of Socrates. First, Aristophanes' mundane view of Socratics as half-dead beggars was criticized by Socrates in the *Phaedo* for its blindness to the philosophical understanding of death: a true philosopher may look dead to the many, yet in fact he or she is more alive than anyone. Second, Socrates and his students in the *Clouds* form an esoteric Pythagorean-like circle, which recalls the image of philosophy as initiation in the *Phaedo*, where philosophers are called Bacchantes, who enter the realm of Gods in the afterlife. Third, Socrates' natural philosophy in the *Clouds* is similar to that of the young Socrates in the *Phaedo*. On the basis of this evidence, we assert that the Socrates of the *Clouds* and of the *Phaedo* is in many respects the same. Since most of this evidence portrays Socrates as a Pythagorean, the acquaintance of historical Socrates with Pythagoreanism seems not completely improbable. Moreover, word by word parallels in the works of Plato and Aristophanes show that Plato consciously refers to the image of Socrates in Aristophanes. Conclusion: while the idea of Socrates the Pythagorean did not become part of the currently accepted history of philosophy, since the *Clouds* has been mostly interpreted as a slander of Socrates with no historical value, the sources provide an opportunity to reconsider the existing *status quaestionis*.

KEYWORDS: Socrates, Pythagoras, Aristophanes, the *Phaedo*, the *Clouds*.

© К.Е. Прокопов (Москва). kirillprokopov@gmail.com. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Платоновские исследования / Platonic Investigations 11.2 (2019)

DOI: 10.25985/PI.10.2.05

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Античная традиция знает два мало совместимых друг с другом источника влияния на философию Платона — Сократа и пифагореизм. Об этом говорят Аристотель, перипатетик Дикеарх и Цицерон, писавший, что в этическом учении Платон дополняет сократическую этику рассуждениями о числе и гармонии¹. Теория соединения сократической философии и традиции пифагореизма у Платона четко разработана платоником и пифагорейцем Нумением. Играя с мыслью о возможном пифагореизме Сократа, Нумений противопоставляет Сократа и Пифагора как двух учителей Платона:

Как человек, оказавшийся между Пифагором и Сократом, он [Платон] преобразил величавость первого в человеколюбие последнего, а остроумие и игривую иронию последнего возвысил до основательности и значительности первого; приготовив смесь (κεράσας) из Пифагора и Сократа, он стал приветливее (δημιτικώτερος) одного и величественнее другого» (Num. fr. 24 des Places, пер. А.С. Афонасиной и Е.В. Афонасина).

Похожую идею высказывает Прокл в своем комментарии на «Тимей»: стиль диалога — смешение пифагорейской возвышенности и умозрительности с сократическим человеколюбием и нравучительностью².

Но было ли соединение образа Сократа и пифагореизма новаторской идеей Платона и настолько ли они были несовместимы до него? Можно подметить, как образ Сократа схож с «пифагористами» — персонажами средней комедии, а симпатии платоновского Сократа к пифагореизму истолковать как близкие историческому Сократу³. В дополнение к этому следовало бы указать аутентичные свидетельства о возможном пифагореизме Сократа, однако античной традиции почти не знаком Сократ-пифагореец. Аристоксен, один из главных источников сведений о древнем пифагореизме, в дошедших до нас фрагментах «Жизни Сократа» не

¹ Arist. *Metaph.* 987a, Plu. *Quaest. conv.* 719a.

² Procl. *in Ti.* 7.20–30.

³ О пифагористах см. Жмудь 2012: 157–159.

упоминает никаких связей Сократа с пифагорейцами, а Ксенофонт молчит даже о вере Сократа в бессмертие души, не говоря о других отличительных признаках пифагорейского учения⁴. В списке пифагорейцев Ямвлиха, который восходит к тому же Аристоксену, присутствует всего лишь один афинский пифагореец, что вовсе ставит под сомнение известность учения Пифагора в Афинах⁵. Отсюда исследователи делают вывод, что все аллюзии на пифагорейские доктрины, который Сократ высказывает в диалогах Платона, следует считать именно платоновскими⁶.

Эти аллюзии сосредоточены в нескольких диалогах Платона, если исключить из рассмотрения поздние произведения, где Сократ уступает место другим персонажам. В «Горгии» в диалоге с Калликлом Сократ утверждает, что добродетель любой вещи — это слаженность и упорядоченность. То же самое и с душой, а порядочная душа называется сдержанной. Сдержанная душа — это благая душа, и в силу своей воздержанности она причастна другим добродетелям — справедливости, мужеству и благочестию. Обладая этими добродетелями и поступая в согласии с ними, такая душа будет блаженной и счастливой. Этот принцип распространяется и на весь космос: мудрецы, по словам Сократа, учат, что «небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную ‘порядком’»⁷. По фрагментам Аристоксена мы можем судить о важности понятий слаженности, пропорции и самоконтроля для пифагорейцев, а под мудрецами, называющими Вселенную космосом, также могут подразумеваться пифагорейцы: доксограф Аэций сообщает, что Пифагор

---

⁴ Перевод фрагментов «Жизни Сократа» Аристоксена см. Гараджа 2019.

⁵ Стоит, однако, отметить, что Пифагора упоминает Исократ в «Бусирисе», о речивости Пифагора пишет Антифен, сократик и старший современник Платона, а в диалоге Эскина, еще одного сократика, Сократ разговаривает с персонажем, черты которого близки к каноническому образу пифагорейца.

⁶ Эберт 2005 убежден, что диалог «Федон» — послание Платона пифагорейцам. Его позицию анализирует Протопопова 2016.

⁷ Pl. Grg. 508a.

первым назвал мир «космосом», в силу его упорядоченности⁸. Далее, в том же «Горгий» со ссылкой на некоего мудреца, Сократ дает известную формулу: «тело — это гробница души», и сравнивает неразумную часть души с дырявой бочкой⁹. Разделение души на разумную и неразумную в этом образе, судя по всему, было знакомо пифагорейцам, поскольку, как сообщает Цицерон, одну часть души пифагорейцы считали причастной разуму, а другую нет; более того, пояснение Сократа, что образ принадлежит сицилийцу или италику, еще больше убеждает, что этот фрагмент «Горгий» мог отсылать к пифагорейской традиции¹⁰.

Диалог «Горгий» — не единственный пример симпатий платоновского Сократа к пифагореизму. В «Федоне» платоновский Сократ рисует портрет «истинного философа», в котором различимы пифагорейские черты — вера в бессмертие души, неприятие удовольствий и понимание тела как гробницы души. Диалог пронизан мистериальной символикой и завершается мифом, источником которого могла быть одна из орфических поэм, написанных пифагорейцем¹¹. В достаточной мере орфико-пифагорейские мотивы «Федона» разглядели неоплатоники: в своих комментариях на диалог Олимпиодор и Дамаский видят не только косвенные отсылки к орфическим доктринам, но и прямые цитирования источников, приписываемых Орфею. Наиболее емко об отношениях Платона и орфической традиции говорит Олимпиодор: «Платон всюду перепевает Орфея»¹².

Есть немало оснований согласиться с Олимпиодором и предположить, что убеждения платоновского Сократа в действительности являются теми убеждениями Платона, которые последний воспринял от пифагорейской традиции. В диалоге «Горгий» речь Калликла, которому пытается возразить Сократ, схожа по своему пафосу с речью Полиарха, посла Дионисия Младшего, которую

---

⁸ *Placit.* 2.1.1.

⁹ *Pl. Grg.* 493a–c.

¹⁰ *Cic. Tusc.* 4.5.10.

¹¹ См. Kingsley 1995.

¹² *Olymp. in Phd.* 7.10.10.

приводит Аристоксен в «Жизни Архита»¹³. Ответ Архита не сохранился, но, судя по той речи, что приводит Цицерон в «О старости», Архит стоял на позициях строгого антигедонизма, что в целом соотносится с позицией Сократа в «Горгии»; сохранились анекдоты и о собственной воздержанности Архита¹⁴. Заключительная фраза Цицерона, что сам Платон слушал эту речь, и факт личного знакомства Платона с Архитом еще больше наводят на мысль, что Сократ артикулирует взгляды своего ученика, а не ученик передает взгляды учителя.

Кому бы ни принадлежал пифагорейский след в диалогах Платона, Сократу или самому автору, особенность восприятия поздними платониками многочисленных отсылок к пифагорейской традиции показывает ключевое убеждение времен неоплатонизма: Платон занимает центральное место в великой цепи мудрости, идущей к нему от Орфея и Пифагора. В этой линии преемств Сократу не остается места, и для неоплатоников «демонический» Сократ в отличие от стоящего выше «божественного» Платона — скорее посредник доброй воли и спаситель душ молодых людей, обращающий их к философии, чем адепт древнего учения, с которым Платон познакомился независимо от своего учителя. Платон же в первую очередь пифагорец, а не сократик¹⁵.

Итак, если бы мы желали представить связь между Пифагором, Сократом и Платоном, то линия между Сократом и Пифагором более других вызывала бы вопросы: консенсус же таков, что Платон черпал из обоих источников, воды которых не смешиваются друг с другом. Чтобы наметить связь между Сократом и пифагореизмом, мы должны расширить круг источников, сведения которых позволят судить об отношении Сократа к пифагорейским доктринам. Ксенофонт не подходит на эту роль, поскольку в создании образа Сократа он явно зависит от диалогов Платона: отчасти поэтому историки философии начала XX века, писавшие

---

¹³ Aristox. fr. 50 Wehrli.

¹⁴ Cic. *Cato* 12.39; *Rep.* 1.38.59.

¹⁵ О неоплатонической рецепции Сократа см. Layne, Tarrant 2014.

о возможном пифагореизме исторического Сократа, опирались на независимый от Платона источник, «Облака» Аристофана, которые позволяют дополнить и уточнить уже известный образ Сократа¹⁶.

1. Сократ и Аристофан

По сюжету «Облаков» земледелец Стрепсиад, попавший в долги из-за увлечений своего сына, решает поступить на обучение в школу Сократа, где, научившись побеждать правые речи неправыми, надеется обмануть своих кредиторов. Неспособный овладеть школьной мудростью, страдающий от побоев сына, наученного вольнодумству, Стрепсиад под конец комедии поджигает ненавистную «мыслильню». Среди тех, кто пытался найти для этого сюжета исторический контекст, популярно мнение, что Сократ в «Облаках» — это собирательный образ нового вида интеллектуала, распространившегося в Афинах во второй половине V в., в котором более всего явлены черты софиста и натурфилософа¹⁷. Также подразумевается, что высмеивание предполагает сильное искажение, потому Аристофан, принимающий Сократа за софиста, далек от «настоящего» духа Сократа. Но если найти общие черты между Сократом из «Облаков» Аристофана и Сократом диалогов Платона, то мы могли бы говорить, во-первых, о доле историчности в образе платоновского Сократа и, во-вторых, о некоторой исторической достоверности образа аристофановского Сократа: едва ли Платон, зная Сократа лично, стал бы пользоваться приемами и образами комедиографа, которые отсылают к обобщенному портрету софиста или натурфилософа в духе Анаксагора или ионийской *περί φύσεως ἱστορία*. Если же эти черты опознаются как пифагорейские, то перед нами открываются возможности более обстоятельно проверить гипотезу о влиянии на исторического Сократа пифагорейской традиции.

---

¹⁶ В первую очередь Burnet 1911 и Taylor 1911.

¹⁷ См. Dover 1968. Возражения суммированы у Vander Waerdt 1994.

Кроме того, чтобы иметь успех у публики, карикатура должна хоть сколько-нибудь походить на оригинал, особенно если оригинал хорошо знаком публике. В том, что Сократ не был в новинку афинянам, нет сомнений. Его можно было встретить не только на агоре и улицах Афин, но и на театральной сцене. Нам известно, что до Аристофана Сократ уже становился героем комедий, дошедших до нас только во фрагментах¹⁸.

Более того, если верить хронологии событий жизни Сократа в диалогах Платона, то, анализируя диалоги «Пир», «Протагор» и «Хармид», мы можем заключить, что интерес Сократа к философии был общеизвестен еще до начала Пелопонесской войны. Знакомство Алкивиада и Сократа состоялось до осады Потидеи, и этим же временем можно датировать время действия в «Протагоре», где Алкивиад — еще совсем молодой юноша, а в «Хармиде» сказано, что Сократ после военного похода возвращается к своему привычному занятию — философии. Вероятно, к тому моменту он уже имел последователей, поскольку в «Хармиде» Сократа восторженно встречает Херефонт, представленный в «Облаках» в качестве ближайшего ученика Сократа.

На известность Сократа указывает сам сюжет «Облаков»: Стрепсиад, не будучи частью афинской аристократии, с которой беседует Сократ в том же «Хармиде», или даже городским жителем, знает о существовании школы Сократа и что именно там его сына способны научить нужному делу. Таким образом, можно предположить, что к 423 г., когда была поставлена комедия, Сократ слишком хорошо известен в Афинах, чтобы его образ в «Облаках» мог быть простой компиляцией из взглядов известных софистов.

О том, что Сократ «Облаков» мало похож на софиста, говорит описание внешности Сократа и его школы. Бледные и тощие ученики Сократа не походят ни на аудиторию софистов, ни на самих софистов: школа Сократа бедна настолько, что ученикам

---

¹⁸ Анализ и фрагменты приведены в Bromberg 2018.

даже нечего есть¹⁹. Ближайший ученик Херефонт и вовсе назван полутрупом²⁰. Если вспомнить изображение Херефонта в «Птицах» Аристофана в образе летучей мыши, которая является символом мертвой души, то складывается цельный образ, близкий к изображению философа в «Федоне» Платона: по мнению толпы, философ только и жаждет того, чтобы умереть, и находится одной ногой в могиле²¹. Можно возразить, что мертвенный вид учеников Сократа в «Облаках» — высмеивание общей черты людей, увлеченных науками до такой степени, что занятия отбирают у них все жизненные силы. Но в действительности этот образ философа вовсе не универсален, однако же характерен для того понимания философской практики, которое Сократ формулирует в диалоге «Федон». Обернуть эту идею и сказать, что философия «смерти подобна», — удачный сюжет для комедии.

Аристофанова «мыслильня» Сократа выглядит как закрытая эзотерическая школа: учения позволительно слушать только ученикам (*μαθηταί*), чтобы попасть в нее, требуется пройти посвящение (*μυστήρια*), а один из входов в нее Стрепсиад сравнивает со входом в пещеру Трофония — связанное с орфическим культом священное место, куда ходили за прорицаниями и видениями²². Чтобы узреть божественные дела и вступить в диалог с Облаками, над Стрепсиадом проводят действия, схожие с ритуалом «воцарения» (*θρόνωσις*), который, как говорит Сократ, проходит каждый посвященный в школу. Ученика сажают на подобие трона, надевают венки, требуют молчания во время молитвы к новым богам и призывают отречься от старых богов, что Стрепсиад, в конце концов, и делает. С этого момента жизнь ученика будет посвящена строгому порядку: следует бежать от всех безумств, не страшиться голода и холода, и, будучи внимательным, глубоко-

---

¹⁹ *Ar. Nub.* 175.

²⁰ *Ar. Nub.* 503–504.

²¹ *Ar. Av.* 1553–1563.

²² *Ar. Nub.* 140, 175. См. *Paus.* 9.39.4 и *Plu. de gen. Socr.* 21–22 для описания спуска в пещеру.

мысленным и усердным, без усталости вбирал в себя знания²³. Обновление жизни символически выражено обнажением тела: перед началом обучения Сократ заставляет Стрепсиада снять одежду²⁴. Все эти детали не дали бы комического эффекта, если предположить, что Аристофан пытался высмеять софистическое образование, для которого характерны публичность, открытость, а не эзотеричность, серьезная аскеза и последовательная диетика.

Отметим также, что когда один из учеников подводит Стрепсиада к Сократу, то он называет своего учителя просто «сам» (αὐτός), чего не понимает Стрепсиад (τίς αὐτός); нам известно, что ученики Пифагора внутри своего круга так же называли своего учителя²⁵.

В то же время мы видим, как образ посвящения используется Платоном в «Федоне»: истинные философы — это вакханты, только им позволено войти в род богов²⁶. Помимо диалога «Федон», Платон использует мистериальные образы для описания практики философии в «Пире» и «Федре»²⁷. Согласно тому же «Федону», где круг близких друзей и учеников Сократа собрался перед смертью учителя, и другим диалогам Платона, мы можем составить впечатление, что Сократ общался не только с заезжими софистами и случайными прохожими, но имел узкий круг последователей, совместные занятия которых могли выглядеть как занятия закрытой школы.

О том, как видел эти занятия Аристофан, мы узнаем, когда Стрепсиад, заходя в притвор «мыслильни», застаёт последователей Сократа за научными делами, а не за практикой софистических речей: одни уставились в землю, исследуя глубины Тартара, а другие вперились в небо, считая звезды. Предполагается, что здесь образ Аристофана неточен, поскольку Сократ в «Апо-

---

²³ Ar. *Nub.* 412–418.

²⁴ Ar. *Nub.* 496–500.

²⁵ Ar. *Nub.* 219. Об этом обращении, принятом у пифагорейцев, см. Шичалин 2012: 81, п. 31.

²⁶ Pl. *Phd.* 69d.

²⁷ См. об этом Riedweg 1986.

логии» утверждает, прямо ссылаясь на «Облака», что образ мудреца, исследующего то, что находится под землей и над ней, не имеет к нему отношения²⁸. Также в «Воспоминаниях» Ксенофонта Сократ открыто рекомендует своим ученикам не заниматься излишне науками о природе²⁹. Но Сократ, каким он предстает перед нами в диалогах Платона, разумеется, знал об этих науках: в «Федоне» сам Сократ говорит, что в юности он интересовался исследованиями природы, устройством неба и земли³⁰. Заключение миф «Федона» целиком посвящен описанию неба и подземного царства. Знакомые же платоновскому Сократу мнения о природе согласуются с подтвержденными другими источниками теориями Анаксимандра, Эмпедокла, Архелая и Анаксагора³¹. Ксенофонт же не изображает Сократа убежденным антинатуралистом, но делает акцент на том, что Сократ владел знаниями о природе и считал полезными занятия геометрией, астрономией и счетом, но призывал в этих науках не доходить до уровня ремесленничества. Что касается «Апологии», то защита Сократа строится не на том, чтобы убедить судей в собственной безграмотности в науках о природе, однако же указывает именно на отсутствие у него собственных натурфилософских теорий, которым он учил бы кого-либо.

Также мы можем обратить внимание на то, какие натурфилософские теории высмеиваются в «Облаках», и находим ли мы их отголоски в автобиографии Сократа в диалоге «Федон». Од-

---

²⁸ Pl. *Ap.* 19cd.

²⁹ X. *Mem.* 4.7. Важно заметить, что в этом фрагменте «Апологии» Сократ спорит с двумя разными клеветническими образами. Во-первых, это образ возвышенного мудреца из «Облаков», который своими занятиями наукой выдумывает новых богов. Во-вторых, это образ воспитателя людей, берущего за свое воспитание плату; Сократ не говорит точно, чьи именно обвинения он имеет в виду во втором случае, но, судя по тексту, довольно строго отделяет их от клеветы Аристофана. Похоже, что сам Платон, автор «Апологии», не воспринимал «Облака» как обвинение в софистических занятиях.

³⁰ Pl. *Phd.* 96c.

³¹ Naddaf 2018: 328–332 устанавливает авторов теорий, упоминаемых Сократом.

на из этих теорий такова, что влага мешает процессу мышления, поскольку мысль сродна с сухим воздухом. Другая — что космос обязан своим возникновением космическому вихрю ($\alpha\iota\theta\acute{\epsilon}\rho\iota\omicron\varsigma\ \delta\iota\nu\omicron\varsigma$), который и есть настоящее божество³². Первое учение засвидетельствовано во фрагментах Диогена из Аполлонии, а второе идет от Анаксагора и Архелая³³. Сократу в диалоге «Федон» знаком целый ряд натурфилософских ответов на вопрос, чем мы мыслим: Эмпедокла (кровь), Гераклита (огонь), Анаксимена, а затем и Диогена из Аполлонии (воздух). Отметим, что последняя теория соответствует взглядам Сократа в «Облаках»³⁴. В «Федоне» упоминается теория вихря, которая, вероятно, восходит к Эмпедоклу³⁵. Если же историческому Сократу были знакомы теории Эмпедокла, то он вполне мог знать о связях сицилийца с пифагорейцами³⁶. Таким образом, и «Облака», и «Федон» говорят о знакомстве Сократа с вполне конкретными натурфилософскими учениями, что позволяет рассматривать их в единой аналитической перспективе.

В следующей части комедии Сократ приступает к обучению Стрепсиада. Поскольку в ней меньше всего интересующих нас параллелей с образом платоновского Сократа, мы оставим ее без рассмотрения, ограничившись ссылками на те исследования, где авторы пытаются показать соответствие между платоновскими и

---

³² Ar. *Nub.* 229–230, 230.

³³ Taylor 1911: 165.

³⁴ Pl. *Phd.* 96b.

³⁵ Pl. *Phd.* 99b. Об авторстве Эмпедокла говорит Burnet 1911: 107.

³⁶ Можно предположить, что автобиография Сократа в «Федоне» — это биография самого Платона или же обобщенный образ развития философии от натурализма ранних греческих философов до философии Сократа и Платона. Но из «Седьмого письма» нам известно, что Платон в юности интересовался не натурфилософией, а политикой. Юность же Сократа приходится на расцвет ионийской космологии в Афинах, что подтверждается довольно ранним доксграфическим свидетельством Иона из Хиоса о знакомстве Сократа с Архелаем, учеником Анаксагора. Эти факты повествования «Федона» могут быть правдивы, даже если Платон, помимо прочего, решал с их помощью собственные философские задачи.

аристофановскими образами³⁷. Что касается финала комедии, то предположение некоторых исследователей о том, что сожжение «мыслильни» Сократа представляет собой аллюзию на сожжение пифагорейских общин в Великой Греции, то оно недоказуемо и должно остаться догадкой³⁸.

2. Платон и Аристофан

До этого момента мы руководствовались идеей, что параллели между «Облаками» и диалогами Платона могут заключать сведения о возможном пифагорействе исторического Сократа. В этой логике есть одно упущение: по аналогии с проблемой в отношениях между Сократом, Платоном и пифагореизмом имеет смысл задуматься не только о Платоне и Аристофане как источниках о Сократе, но и о связи между самими авторами. Разумеется, Платон никак не мог оказать влияние на Аристофана, но ясно, что Платон знал работы драматурга: Аристофан появляется в «Пире», прямо упоминается в «Апологии» вместе с кратким описанием действий «Облаков» и, вероятно, косвенно упоминается в качестве анонимного писателя комедий в «Федоне»³⁹.

Знакомство Платона с Аристофаном выдают аллюзии на работы комедиографа в тексте «Федона». Так, помимо приведенных выше фрагментов, о пифагореизме как объекте критики в «Облаках» говорит использование слова *ἀτραλός* («тропа», «тропинка»). Продумав всю ночь над тем, как найти выход из долговой беды, Стрепсиад говорит, что он, наконец, нашел «совершенно демоническую тропу» (76: *ἀτραλὸν δαιμονίως ὑλέρφει*), где под «тропой» имеется в виду обучение у Сократа. Как показывает Плутарх в «О демоне Сократа», слово *ἀτραλός* нагружено пифагорейскими коннотациями⁴⁰. В этом диалоге пифагореец Фе-

³⁷ См. большое эссе Taylor 1911: 129-177 и библиографию у Rashed 2009.

³⁸ Гипотеза, встречающаяся довольно рано в исследовательской литературе. См. Taylor 1911: 175 со ссылкой на более ранние исследования.

³⁹ Олимпиодор (*in Phd.* 9.9) считает, что речь идет о другом комедиографе, но Rashed 2009: 188–199 текстually показывает, что это может быть и Аристофан.

⁴⁰ Plu. *de gen. Socr.* 586a.

анор произносит следующую фразу, которая по своей емкости могла бы быть пифагорейской формулой: «бесчисленны тропы людских жизней (ἀτρατοὶ βίωv), малочисленны те, по которым демоны (δαίμονες) ведут людей».

В диалоге «Федон» слово ἀτρατός возникает в речи истинных философов, в образе которых легко узнать пифагорейцев. Тропинка, по которой они идут, — это «дорога смерти», постоянное стремление освободить душу от тела. Таким образом, у Платона и у Аристофана ἀτρατός фигурирует в пифагорейском контексте в качестве пути спасения, но если у Аристофана по этой дороге пытаются пройти непосвященный Стрепсиад, то у Платона эта тропа для тех немногих, кто готов полностью освободиться от чувственного и телесного для достижения истины.

Комедия «Облака» — не единственное произведение Аристофана, где встречается образ Сократа. Мы уже упоминали эпизод из «Птиц», где полумертвый Херефонт летает над Сократом, вызывающим души умерших. Для некоторых исследователей под макабрический маской этого образа прячется реминисценция на пифагорейскую эсхатологию и общий интерес Сократа к теме посмертного существования души⁴¹. Помимо «Облаков» и «Птиц», Сократ, не будучи персонажем, упоминается в «Лягушках»:

Не сидеть у ног Сократа,
Не болтать, забыв про Муз (μουσικήν),
Позабыв про высший смысл
Трагедийного искусства, —
В этом верный, мудрый путь.
Слов громоздких и пустых
Городить забор воздушный,
Празднословьем заниматься —
Это могут лишь глупцы⁴².

По сюжету комедии Дионис забирает из Аида Эсхила, чтобы тот восстановил мораль среди падших нравами афинян. В

⁴¹ Rashed 2009: 122–123 со ссылкой на Bowie 1998: 63–64.

⁴² Ar. Ra. 1491–1499. Пер. Адр. Пиотровского.

этом фрагменте воспитательная сила великого трагика противопоставляется занятиям Сократа.

Первый, кто опроверг бы, что Сократ «забыл про Муз», — Сократ «Федона». Отвечая на вопрос учеников, почему в темнице он взялся за написание стихов, Сократ рассказывает своим ученикам сон, который снился ему всю жизнь и где повторялись одни и те же слова: «Сократ, твори и трудись на поприще Муз» (60e6–7: μουσικῆν ποιεῖ καὶ ἐργάζου). Эта параллель между «Птицами» и «Федоном» раскрывает непонимание исторического Сократа Аристофаном, возможно, вполне намеренное: комедиограф глух к мысли, что философия и есть величайшая музыка (61a3–4: φιλοσοφίας μὲν οὔσης μεγίστης μουσικῆς). Вполне вероятно, что за этим едва уловимым переходом от концовки «Птиц» к началу «Федона» стоит авторский замысел Платона.

Эти два примера взаимодействия текстов Платона и Аристофана дают следующий вывод: с одной стороны, мы можем восхищаться тем, как Платон реагирует на образ Сократа у «Аристофана», преображая едва заметные черты работ комедиографа в собственном произведении, с другой — у нас есть риск незаметно для себя стать жертвами поиска параллельных мест, выдумав такие аллюзии, какие не предполагались самим Платоном. Сомнения остаются, но вероятнее всего, что образ Сократа в «Федоне» складывался с учетом комедий Аристофана. Это не значит, однако, что Платон в своем диалоге ограничен образом, созданным комедиографом. Оба автора, по нашему мнению, видели пифагореизм Сократа, и каждый раскрыл его в меру собственных взглядов и задач письма. Благодаря обнаруженным связям между Сократом (историческим и его многочисленными литературными проекциями), Аристофаном и Платоном мы можем провести тонкую линию между Сократом и пифагореизмом.

Наконец, приведем пару свидетельств, которые мы предлагаем в качестве гипотез, а не в защиту той или иной позиции. Из фактов о Сократе в диалогах Платона один отличается особенной необычайностью. В «Пире» Алкивиад рассказывает об уди-

вительной стойкости и выносливости Сократа, свидетелем которых он стал во время похода на Потидею. Как-то раз Сократ, задумавшись о чем-то, простоял на одном месте от рассвета до восхода Солнца следующего дня, а затем, помолившись Солнцу, отправился по своим делам⁴³. Считать, что длившееся сутки состояние глубокой погруженности в себя — рядовое явление, не позволяет ни акцент, который делает на этом эпизоде Алкивиад, ни молитва Сократа Солнцу. Нам известно отождествление бога Солнца Гелиоса с Аполлоном у пифагорейцев, Парменида, Эмпедокла и Платона. Культ Аполлона-Солнца засвидетельствован в утерянных «Бассардиях» Эсхила, где Орфей, спустившись в Аид по поручению Диониса, видит яркий свет. Возвратившись обратно из подземного мира, Орфей становится почитателем Аполлона-Солнца⁴⁴. Мы знаем о служении Сократа Аполлону, но присутствие этого контекста в «трансе» Сократа остается не больше, чем предположением.

Второе свидетельство. В «Хармиде» Сократ, вспоминая о времени, проведенном при войске в том же походе на Потидею, рассказывает о встрече с фракийским врачом, одним из учеников Залмоксиса, про которых говорят, что они дают людям бессмертие. Этот врач, дескать, и научил Сократа одному магическому заговору⁴⁵. Согласно Геродоту, фракийское племя гетов поклонялось Залмоксису и совершало кровавый ритуал для того, чтобы бог наделил их бессмертием. Согласно другой истории, которую приводит тот же Геродот, Залмоксис был не богом, но бывшим рабом Пифагора на Самосе: узнав от того учение о бессмертии души, он вернулся во Фракию и донес его до своих соплеменников⁴⁶. История о связи Залмоксиса и Пифагора засвидетельствована и в более поздних источниках: Страбон называет Залмоксиса пифагорейцем, равно как и Ямвлих в своей биографии Пифагора⁴⁷.

---

⁴³ Pl. *Smp.* 220cd.

⁴⁴ Подробнее об этих параллелях см. Bussanich 2013: 298.

⁴⁵ Pl. *Chrm.* 156d.

⁴⁶ Hdt. 4.94–95.

⁴⁷ Str. 16.2.39, Iamb. *VP* 104.

В том же диалоге «Хармид» Сократ упоминает заговор другого полулегендарного персонажа — Абариса-гиперборейца⁴⁸. Об Абарисе Порфирий и Ямвлих сообщают, что тот, путешествуя по всей Греции и творя чудеса, однажды прибыл в Кротон и встретился с Пифагором. Когда Пифагор показал ему свое золотое бедро, то Абарис узнал в нем Аполлона Гиперборейского и стал его учеником⁴⁹. Удивительно, что Абарис есть в списке пифагорейцев, восходящем к Аристоксену, который сдержанно относился к сверхъестественной стороне пифагореизма. История могла бы восходить к ученику Платона Гераклиду Понтийскому, написавшему диалог «Абарис», но мы можем предположить, что Платон в «Хармиде» упоминает вместе легендарных персонажей именно потому, что в его время уже существовал миф об их контактах с Пифагором. Одним из людей, знавших такой миф, мог быть Аристофан: для описания «прогулок» Сократа по воздуху Аристофан использует то же слово (*Nu.* 225: ἀεροβάτῳ), которым называют Абариса (αἰθροβάτης), поскольку он летал на стреле, подаренной ему Аполлоном⁵⁰.

***

Итак, сведения из «Хармида», равно как и параллели между Аристофаном и Платоном, ставят под сомнение несколько научных предубеждений, возникших из предпочтения одних источников другим. Один из мифов касается распространения пифагореизма: будто бы Пифагор стал известен в Афинах лишь с Платоном, после его сицилийских поездок. Независимо от того, испытывал ли Сократ симпатии к пифагореизму или нет, пифагореизм на рубеже V и IV вв. не нов для Афин, и Сократ вполне мог прознать о древнем философе, чья мудрость известна по источникам V в., включая знакомого Сократу Гераклита.

---

⁴⁸ Pl. *Chrm.* 158b.

⁴⁹ Porph. *VP* 28, Iambli. *VP* 91–3, 135–6, 140–1.

⁵⁰ См. Шичалин 2012: 82.

Другой миф касается самого Сократа. Согласно общепринятой истории философии, Сократ был первым мудрецом, который спустил философию с небес на землю⁵¹. Но не слишком ли приземленный образ Сократа, пусть даже как литературного персонажа, закрепился в нашей памяти? К портрету «уличного» философа, который самостоятельно выпестовал свою мудрость в спорах и дискуссиях, должны быть добавлены другие штрихи: Сократ был юношей, увлеченным исследованиями природы, знакомым с Архелаем, учеником Анаксагора и проч. Свое философствование он воспринимал как служение богу Аполлону. Сократ собрал вокруг себя круг друзей, которых объединяли не только общие предметы разговора, но и схожий образ жизни; вероятно, этот образ жизни позволял проявлять Сократу невероятную стойкость и выдержку, которые в деле мышления доходили до состояния продолжительной задумчивости. Наконец, Сократ считал себя провидцем, видел вещие сны и слышал божественный голос. Конечно, этот образ является частичной фикцией Платона, и для нашей современности Сократ — это, в первую очередь, проект его главного ученика. Но когда мы начинаем подмечать те места, где Платон пользуется независимыми от него источниками для ведения полемики и диалога вокруг Сократа, мы отдаем должное не только мастерству автора, создавшего запоминающийся портрет философа, но и богатству прообраза.

Литература

- Афонасина, А.С., Афонасин, Е.В., пер. (2009), “Нумений из Апамеи. Фрагменты и свидетельства”, *СХОЛН (Scholē)* 3.1: 213–278.
- Гараджа, А.В. (2019), “Аристоксен Тарентский о Сократе и Платоне”, *Платоновские исследования* 10.1: 197–208.
- Жмудь, Л.Я. (2012), *Пифагор и ранние пифагорейцы*. М.: Университет Дмитрия Пожарского.

---

⁵¹ Cic. *Tusc.* 5.4.10–11.

- Протопопова, И.А. (2016), “Μῦθος versus λόγος и «умирающие философы» в «Федоне»”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 10.1: 164–182.
- Шичалин, Ю.А. (2012), “Сократ-пифагореец — изобретение Платона?”, *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие, философия* 3.41: 76–86.
- Эберт, Т. (2005), *Сократ как пифагореец и анамнезис в диалоге Платона «Федон»*. СПб.: Издательство С.Петербургского университета.
- Afonasina, A.S., Afonasin, E.V., tr. (2009), “Numeniy iz Apamei. Fragmenty i svidetel'stva”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 3.1: 213–278. (In Russian.)
- Bowie, E. L. (1998), “Le portrait de Socrate dans les Nuées d'Aristophane”, in M. Trédé, Ph. Hoffmann (eds.), *Le Rire des Anciens*, 53–66. Paris: Presses de l'École normale supérieure.
- Bromberg, J.A. (2017), “A Sage on the Stage: Socrates and Athenian Old Comedy”, in A. Stavru, C. Moore (eds.), *Socrates and the Socratic Dialogue*, 31–63. Leiden; Boston: Brill.
- Burnet, J., ed. (1911), *Plato's Phaedo*. Oxford: Clarendon Press.
- Bussanich, J. (2013), “Socrates' Religious Experiences”, in Id., N.D. Smith (eds.), *The Bloomsbury Companion to Socrates*, 276–300. London; New York: Bloomsbury Academic.
- Dover, K.J., ed. (1968), *Aristophanes. Clouds*. Oxford: Clarendon Press.
- Garadja, A.V. (2019), “Aristoksen Tarentskiy o Sokrate i Platone”, *Platonic Investigations* 10.1: 197–208. (In Russian.)
- Kingsley, P. (1995), *Ancient Philosophy, Mystery, and Magic: Empedocles and Pythagorean Tradition*. Oxford: Oxford University Press.
- Layne, D.A.; Tarrant, H., eds. (2014), *The Neoplatonic Socrates*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Protopopova, I.A. (2016), “Μῦθος versus λόγος i «umirayushchiye filosofy» v «Fedone»”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 10.1: 164–182. (In Russian.)
- Rashed, M. (2009), “Aristophanes and the Socrates of the Phaedo”, *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 36.107: 107–136.
- Shichalin, Y.A. (2012), “Sokrat-pifagoreyets — izobreteniy Platona?”, *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogosloviye, filosofiya* 3.41: 76–86. (In Russian.)
- Taylor, A.E. (1991), *Varia Socratica*. Oxford: James Parker & Co.
- Riedweg, C. (1987), *Mysterienterminologie bei Platon, Philon und Klemens von Alexandrien*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Vander Waerdt, P. (1994), “Socrates in the Clouds”, in Id., *The Socratic Movement*, 48–86. Ithaca: Cornell University Press.
- Zhmuđ, L.Y. (2012), *Pifagor i ranniye pifagoreytsy*. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo. (In Russian.)